

18+

Антон Петрович
Гробов

Синие галочки

Долгая дорога к счастью

Антон Петрович Гробов

Синие галочки. Долгая дорога к счастью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73751133

ISBN 9785006966215

Аннотация

Это история, основанная на реальных событиях. Мы с Катей дружили в детстве, когда она приезжала к своей бабушке каждое лето. Потом мы расстались, даже не попрощавшись. Прошло 18 лет. Каждый жил своей жизнью. Катя вышла замуж и работала в нефтяной компании. Я служил по контракту в горячей точке. Мы даже не представляли, что наши пути вновь сойдутся спустя столько времени. Это будет долгая и для каждого из нас по-своему трудная дорога. Дорога к счастью.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. «Осколки прошлого»	9
Глава 2 «Тишина за спиной»	14
Глава 3. «Прибытие»	19
Глава 4. «Линия огня»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Синие галочки

Долгая дорога к счастью

Антон Петрович Гробов

© Антон Петрович Гробов, 2026

ISBN 978-5-0069-6621-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я помню то время.. Мне было лет шестнадцать-семнадцать. Казалось, вся жизнь впереди, а мир – огромный, яркий и полон чудес. Я был простым деревенским парнем: жил в небольшом доме с мамой, старшими сестрой и братом. Дни текли размеренно: школа, помощь по хозяйству, прогулки с друзьями. Ничего особенного, но именно тогда случилось то, что навсегда осталось в сердце теплым, немного недосказанным воспоминанием.

Именно тогда я познакомился с Катей..

Наша история началась не с нее, а с ее старшей сестры – Светы. Мы подружились с ней, когда она приезжала с родителями к бабушке каждое лето, а я жил неподалеку. Мы общались, писали друг другу письма, делились сокровенным – тем, что не расскажешь никому другому. Света была открытой, веселой, умела слушать и понимать. Наши встречи стали для меня маленькой традицией, частью того самого «деревенского лета», которое пахнет свежескошенной травой, речной прохладой и дымком от костра.

И вот однажды вместе со Светой приехала Катя...

Я увидел ее впервые во дворе бабушкиного дома. Она стояла у калитки, слегка прищурившись от солнца, и что-то рассматривала в траве. В тот момент я замер. Она была другой. Не такой, как все..

Прекрасные, завораживающие карие глаза, темные волнистые волосы, опускающиеся ниже плеч, и эти всегда розовые щечки, словно нарумяненные. А когда она улыбалась, казалось, весь мир становится светлее. Катя мне понравилась сразу. Но я был застенчивым, неуверенным в себе парнишкой. Слова застревали в горле, а сердце билось так громко, что, казалось, она могла услышать. Я ничего ей не говорил. Просто наблюдал издали, ловил каждый ее взгляд, каждый жест, каждую улыбку.

Постепенно мы все же подружились. Сначала- робко, через общие шутки со Светой, через случайные встречи у колодца или на тропинке к реке. Потом- смелее. Мы стали гулять вместе, мечтать вслух, смеяться над пустяками, играть с ребятами во дворе. Катя оказалась не просто красивой – она была живой, искренней, с легким заразительным смехом и умением видеть чудо в мелочах.

Тот год я помню до сих пор. Каждое утро начиналось с мысли:” А вдруг сегодня увижу ее?». Я узнавал у Катиной бабушки приехала ли она, и, получив утвердительный ответ, тут же отправлялся на поиски.

Однажды она рассказала мне, что к ней подошел незнакомый парень и спросил:

– Это ты Катя из питера?

– Да, – ответила она.

– Тебя там Антон ищет, – сказал Мишка. (это я попросил его, если увидит Катю, передать, что я ее ищу.)

Катя сразу догадалась какой именно Антон и, засмеявшись, ответила:

– Я тоже его ищу.

Этот рассказ согревал меня изнутри. Значит, она думала обо мне. Значит, я был для нее не просто случайный знакомый.

Вскоре мы встретились и пошли гулять.

Мы говорили обо всем на свете: о книгах, которые читали, о мечтах, о том, куда хотим поехать, когда вырастем. Смеялись до слез, вспоминая смешные случаи из детства. Однажды забрались в чужой сад – воровали яблоки. Они оказались кислыми, и мы морщились, но все равно ели, хохотали и бежали прочь, боясь, что нас заметят.

Вечер наступил незаметно. Солнце опускалось к горизонту, окрашивая небо в золотисто-розовые тона. Пора было расставаться. Но я не расстраивался, знал, что завтра мы снова увидимся. Где-то в глубине души зрело ощущение, это уже не просто дружба. Что-то больше. Что-то, что я боялся назвать даже про себя.

В этот вечер я проводил Катю до калитки. Я хотел поцеловать ее – не в щечку, как раньше, а по-настоящему. Шагнул ближе, наклонился..

Но она мягко остановила меня, подняв ладонь.

– Может быть, когда-нибудь все будет по-другому, – сказала она с загадочной улыбкой. – А сейчас мне надо домой.

И ушла...

На следующий день я узнал, что Катя уехала. Я стоял у той самой калитки, где мы расстались, и не мог поверить. Ни прощального слова, ни записки, ни даже короткого «до свидания». Просто – уехала.

Внутри поселилась странная смесь чувств: обида, злость, недоумение. Почему? Я бродил по тем местам, где мы гуляли, всматривался в знакомые пейзажи пытаясь уловить ее присутствие. Но ее не было.

С тех пор Катя больше не приезжала. Иногда в тихие вечера, когда ветер шелестит листвой или дождь стучит по крыше, я вспоминаю тот год. Ту девочку с карими глазами и розовыми щечками. Тот сад с кислыми яблоками. Тот недосказанный поцелуй..

И ее слова: “ Может быть когда нибудь все будет по другому...»

Может быть... Но тогда все было именно так... И это было прекрасно...

Глава 1. «Осколки прошлого»

1

Дождь стучал по крыше старого дома – размеренно, монотонно, будто отсчитывал годы. Я сидел у окна, сжимая в руках чашку остывшего чая, и смотрел, как капли стекают по стеклу, размывая очертания двора. Восемнадцать лет... Казалось, детство было только вчера – тот солнечный край, где пахло сеном и речкой, где Катя улыбалась, а будущее сияло, как новенький пятак.

Теперь же...

Я провёл ладонью по лицу, чувствуя шероховатость небритой кожи. Жизнь не пошла по тому пути, о котором мечталось в шестнадцать. Всё рассыпалось на осколки – так незаметно, что я и не понял, в какой момент перестал быть тем мальчишкой у калитки.

Переписка со Светой сошла на нет сама собой. Сначала редкие письма, потом – месяцы молчания, а затем и вовсе тишина. Я закончил школу, устроился на первый завод – разноработчим. Потом армия. Сапёрный батальон. Там я впервые узнал, что такое настоящий страх и настоящая ответственность: один неверный шаг – и нет ни тебя, ни завтра.

А дома... Дома меня ждали новости. Брат умер, пока я служил. Мы и так редко общались, но теперь его просто

не было. Сестра... С ней отношения всегда были натянутыми – два чужих человека под одной крышей. Отца я не знал вовсе. Нас растила мама – маленькая, хрупкая, с вечно усталыми глазами и руками, загруbevшими от работы.

2

После срочной службы я подписал контракт. Разминирование, поиск старых зарядов, командировки в места, где время остановилось ещё в сороковых. Я не искал подвигов – просто не знал, куда ещё идти. Там, среди ржавых осколков войны, я чувствовал себя... уместным. Здесь всё было просто: либо ты прав, либо мёртв.

Вернувшись на гражданку, я так и не смог вписаться в «нормальную» жизнь. Не получилось. Будто меня вынули из одной реальности и вставили в другую, чужую. Я жил по уличным законам – тем, что выучил в казармах и на полях с минами. Редко бывал дома. С мамой ругались – громко, до хрипоты, до слёз, которые она прятала за спиной.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, – говорила она тихо после очередной ссоры, стоя у плиты и помешивая суп. – Но почему ты не можешь просто... жить? Как все?

Я молчал. Что ответить? Что не знаю, как «как все»? Что внутри – пустота, а снаружи – только привычка выживать?

3

Диалог с мамой

Однажды осенью я пришёл домой поздно. Дождь лил как из ведра, одежда промокла насквозь. Мама не спала – сидела

у стола, под лампой с потрёпанным абажуром. Перед ней – чашка чая, раскрытая книга, но глаза не читали. Она ждала.

– Опять дрался? – спросила, едва я переступил порог.

Я не ответил. Стянул мокрые ботинки, бросил их у двери.

– Антон, – её голос дрогнул. – Ты же знаешь, я не буду тебя ругать. Но скажи хоть что-нибудь. Куда ты идёшь? Что с тобой происходит?

Я опустился на стул напротив, опустил голову. В висках стучало.

– Никуда. Просто... живу.

– Это не жизнь, сынок. – Она потянулась через стол, взяла мою руку. Пальцы были холодные, но тёплые от привычки заботиться. – Ты как камень, который катится вниз. Остановись. Хоть на минуту. Подумай.

– О чём? – Я поднял глаза. В её взгляде – боль, усталость и всё та же любовь, которую я не заслуживал.

– О том, зачем ты здесь. О том, чего хочешь. О том, кем ты можешь стать, если перестанешь бежать.

Я усмехнулся:

– А кто я? Бывший сапёр. Бывший брат. Бывший сын, наверное.

– Ты – мой сын. – Она сжала мою руку крепче. – И ты сильнее, чем думаешь. Я видела, как ты в детстве боялся темноты, а потом сам ходил в лес за грибами. Я видела, как ты защищал сестру от дворовых мальчишек. Ты умеешь быть хорошим. Просто... забыл.

В горле встал ком. Я отвернулся к окну. Дождь не прекращался.

– Мам, я... не знаю, как иначе.

Она вздохнула, встала, подошла к буфету. Достала старую фотокарточку – мы втроём: я, брат и сестра, ещё маленькие, на фоне нашего дома.

– Посмотри. Вы были счастливы. И ты можешь снова. Только не разрушай себя. Пожалуйста.

Я взял фото. Улыбки. Свет. То, чего больше нет.

– Попробую, – прошептал я, не глядя на неё.

Она обняла меня – крепко, как в детстве, когда я приходил с разбитыми коленками. И я почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

4

После того разговора я пытался. Правда пытался. Устроился на склад – разгружать ящики. Снимал комнату в общежитии. Даже звонил сестре – она теперь жила в другом городе, вышла замуж, растила детей. Мы говорили осторожно, будто боялись наткнуться на старые обиды.

Но привычки сильнее воли. Улица тянула обратно. Драк было меньше, но они случались. Воровство... Иногда просто не было денег на еду. Я оправдывал себя: «Это временно. Это последний раз». Но «последний раз» превращался в «ещё один».

Потом – тюрьма. Год. Серый бетон, запах пота и дешёвой каши, ночи без сна. Там я много думал. Иногда вспоминал

о Кате и о последнем нашем лете... О том, как всё могло быть, если бы я тогда не испугался, если бы сказал ей больше, чем «привет». Но.. Все случилось так как случилось..

Я нашёл её страницу в интернете. Фото. Улыбка. Другая фамилия. Замужем. Я долго смотрел на экран, а потом закрыл вкладку. Зачем мешать? У неё своя жизнь. А у меня... У меня – этот дождь, этот дом, эта мама, которая всё ещё верит.

5

И вот – новый контракт. Не ради денег. Не ради славы. Скорее... чтобы не вернуться. Чтобы наконец перестать быть камнем, катящимся вниз.

Перед отъездом я зашёл к маме. Она встретила меня на пороге, молча обняла.

– Береги себя, – сказала, не отпуская. – Я буду ждать.

Я кивнул. Слова не шли.

В поезде я смотрел в окно. Где-то вдали мелькнул силуэт – девушка с тёмными волосами, идущая вдоль путей. Я прижался к стеклу, в сознании почему то вспомнилась Катя.. Но это была не она.. Да и не могла это быть она...

Поезд набирал ход. Дождь кончился. На горизонте проби- вался луч солнца...

Я закрыл глаза...

Глава 2 «Тишина за спиной»

Звук мотора нарушил утреннюю тишину на стоянке возле дома. Катя сидела за рулём своего старенького «Опеля» синего цвета – машины, купленной ещё в те времена, когда она верила, что всё получится. Прикурила сигарету, щёлкнув дешёвой пластиковой зажигалкой, включила любимую музыку, которая всегда помогала собраться с мыслями, – и ждала, пока прогреется машина.

Стрелка термометра за окном дрожала на отметке +3° С. Начало весны цеплялось за город мокрыми пальцами тумана, размывало очертания домов, превращало асфальт в зеркало. Катя смотрела, как капли стекают по лобовому стеклу, рисуя причудливые узоры, и думала: *«Опять дождь. Опять одно и то же»*.

Экран телефона вспыхнул. Сообщение от мамы, Татьяны Алексеевны:

«Доброе утро! Ты уже выезжаешь?»

Катя улыбнулась – не губами, а глазами. Набрала в ответ: «Уже в пути. Через 20 минут буду».

Затянулась, выпустила дым в приоткрытое окно. Сигарета – её маленький ритуал перед рабочим днём. Не привычка, а скорее пауза, момент, когда можно выдохнуть и на секунду перестать быть «сильной Катей», от которой все вокруг – мама, коллеги, муж – ждали стойкости, решительности, уме-

ния держать удар.

В зеркале заднего вида отразилось её лицо и взгляд, в котором застыла усталость, похожая на туман.

Дорога до работы занимала ровно двадцать минут. За это время Катя успевала:

– Переслушать три песни.

– Перечислить в уме дела на сегодня: отчёты, совещание в 11:00, проверка накладных.

– Вспомнить, не забыла ли что-то важное: ключи от офиса, флешку с данными, таблетки от головной боли.

– Мысленно поругать себя за вчерашний поздний ужин – бутерброд с сыром и чашку чая в 23:00.

За окном мелькали дома, деревья, редкие пешеходы. Всё было привычно, почти до боли знакомо. Но в последнее время она всё чаще ловила себя на мысли: *«А где я? Где та девочка, которая верила, что жизнь – это приключение?»*

Иногда ей казалось, что она живёт в двух параллельных мирах:

Мир внешний – офис, встречи, совещания, разговоры о квартальных планах.

Мир внутренний – тишина, где звучат старые голоса, где она всё ещё шестнадцатилетняя, верит в чудеса...

За эти восемнадцать лет она многое успела. Но каждое достижение оставляло после себя осадок – как будто она строила дом из песка, а волны смывали его по ночам. Она получила два высших образования.

Но дипломы пылились на полке, а её работа сводилась к проверке цифр и согласованию различных графиков. Вышла замуж первый раз, когда переехала от родителей. Было романтично, с белым платьем и клятвами у алтаря. Он дарил ей цветы, обещал, что они будут вместе всегда. Но через три года все рухнуло..

Развод прошёл тихо, без скандалов, но с ощущением, будто из жизни вырвали страницу с яркими красками.

Сначала она устроилась товароведом в магазин. Рутинная: пересчёт коробок;
споры с поставщиками;
бесконечные «у нас нет в наличии».

Потом – удача: мама помогла устроиться в нефтяную компанию. Теперь они сидели в одном офисе. Это было немного странно:

с одной стороны – поддержка, тёплое «Ты справишься»;
с другой – постоянное ощущение, что за ней следят.

Второй брак тоже был не идеальным.. Сначала все было хорошо. Потом он стал пить. Сначала – по праздникам, потом – по выходным, теперь – почти каждый вечер. И, вот, спустя восемь лет в браке, он просто становился чужим, смотрел сквозь неё, будто её и нет.

Дома её встречали: белый кот Каспер-ленивый, вальяжный, любит прятаться под одеяло или занавеску. Он смотрел на Катю, будто знал что-то, чего не знала она.

Две кошки – рыжая Клёпа и серая Маша. Они вечно грыз-

лись за миску, шипели, царапались, но ночью спали в обнимку, свернувшись в клубок.

Овчарка Полина – небольшая, добрая, с глазами, полными преданности. Она встречала Катю у двери, и как-будто хотела сказать: *«Ты дома. Ты в безопасности»*.

Они не задавали вопросов, не осуждали, не требовали объяснений. Они просто были. И это спасало.

Иногда Катя садилась на пол, обнимала Полину и шептала:

– Если бы ты могла говорить... Что бы ты мне сказала?

Собака лизала её руку, будто знала ответ, но не могла его произнести.

Однажды Катя купила Полине новый ошейник – красный, с серебряными заклёпками. *«Для красоты»*, – сказала она. А потом поняла: это была попытка добавить красок в свою жизнь. Но ошейник так и остался лежать в шкафу – Полина не любила новшества.

Сегодня, сидя в машине, она вдруг вспомнила ту деревню куда она раньше приезжала на лето, того робкого парня Антона, с которым ела кислые яблоки с чужого сада..

Она искала его в соцсетях. Но результата не было..

Иногда она думала, как он? Как у него дела? Представляла, что могло быть тогда, много лет назад. Но это была лишь фантазия...

В офисе мама встретила на парковке:

– Кать, ты бледная. Плохо спала?

Катя улыбнулась – на этот раз губами.

– Нормально, мам. Просто утро.

Татьяна Алексеевна покачала головой:

– Ты слишком много берёшь на себя. И работа, и дом, и...

– Мам, всё в порядке.

Мама вздохнула. Её пальцы, тонкие, с кольцами, которые она носила ещё с юности, дрогнули.

– Дочка, ты же знаешь: я всегда рядом. Если что-то случится – скажи. Не держи в себе.

– Знаю, мам.

– И... – мама запнулась. – Он опять пил вчера?

Катя опустила глаза.

– Да, немного, все в порядке.

– В порядке? – мама нахмурилась. – Он опять пил. Это уже не в порядке!

– Мам, не надо...

– Надо! – голос стал твёрже. – Дочь, мне кажется, ты проживаешь не свою жизнь.

Катя отмахнулась.

– Пошли работать, мам.

Но где-то в глубине души Катя думала: «Может, мама и права..»

Глава 3. «Прибытие»

Поезд дрогнул, зашипел, замер. Я сжал лямки рюкзака, выдохнул. За окном – серое утро, мокрый перрон, редкие лужи, в которых отражались низкие тучи.

Меня встречал лейтенант – сухопарый, с глазами-осколками.

– Гробов? – уточнил он, сверяясь с блокнотом.

– Так точно.

– Пошли.

Я шагнул на землю. Под ногами – холодный металл, потом гравий. Воздух пах железом, дождём и чем-то едким, будто здесь годами копилась усталость.

Мы шли мимо бараков из рифлёного металла, мимо ржавых контейнеров, мимо людей в форме. Никто не здоровался, не оборачивался. Всё было серым, жёстким, функциональным. Ни цветов, ни деревьев, ни запаха хлеба.

– Здесь не курорт, – бросил лейтенант, не сбавляя шага. – Здесь работа. Если не выдержишь – вали. Но сначала попробуй.

– Попробую, – ответил я.

Он хмыкнул, но не обернулся.

Мы пришли в казарму. Помещение с двумя рядами кроватей, узким проходом посередине. Прямо как во время срочки.. На стенах – облупившаяся краска, плакаты с инструкци-

ями, карта местности. В углу – стол, над ним полка с папками.

– Твоя койка, – лейтенант указал на крайнюю у окна. – Вещи – сюда. Располагайся. В шесть – построение.

Я опустил рюкзак, расстегнул молнию. Внутри – сменное бельё, зубная щётка и всякая мелочь.

– Новенький? – раздался голос сбоку.

Я обернулся. На соседней койке сидел парень лет двадцати пяти, с короткими рыжеватыми волосами и с веснушками на лице. Он смотрел без враждебности, скорее с любопытством.

– Не совсем, – ответил я. – Переведён из другого подразделения. Антон.

– Лёха, – он протянул руку. – Давно в сапёрах?

– Со срочки. Потом контракт. Сейчас... снова контракт.

Лёха прищурился.

– Вижу, не первый раз. Значит, знаешь, как тут бывает.

Я пожал плечами.

– Знаю.

Он улыбнулся, но глаза остались серьёзными.

– Ладно. Если что – обращайся. Тут без своих тяжело.

Я кивнул. «Своих» у меня давно не было.

В шесть утра – резкий звонок. Я вскочил, натянул форму, вышел в строй. Лейтенант ходил перед нами, меряя шагами бетонный пол.

– Вы здесь не герои. Вы – рабочие. Ваша задача – не рис-

ковать, а делать. Делать чётко, быстро и без вопросов. Кто не понимает – тот ошибается. Кто ошибается – тот умирает. Всё просто.

Кто-то кашлянул. Лейтенант резко повернулся:

– Что смешного?

– Ничего, товарищ лейтенант, – пробормотал парень в третьем ряду.

– Вот и отлично. Значит, поняли.

После построения – инструктаж. Карты, схемы, обозначения. Я слушал, но мысли уплывали. Вспоминал маму, её слова: «Ты как камень, который катится вниз. Остановись».

– Эй, Гробов, – Лёха тронул меня за плечо после занятия. – Ты в порядке?

– В порядке, – ответил я, не глядя на него.

– Просто ты... будто не здесь.

Я вздохнул.

– Я здесь. Просто думаю.

– О чём?

Я помолчал, потом сказал:

– О том, что всё это уже было. Только в другом месте.

Лёха кивнул, будто понял.

– Тут так. Всё повторяется. Главное – не заикнуться.

На следующий день – выезд. Мы шли по полю, где когда-то рвались снаряды. Трава росла сквозь ржавые осколки, цветы пробивались сквозь землю, будто природа пыталась стереть следы войны.

– Работаем парами, – скомандовал лейтенант. – Один смотрит, второй – проверяет. Никаких спешек.

Я встал рядом с Лёхой. Он достал щуп, начал осторожно прощупывать почву.

– Знаешь, – тихо сказал он, – я тут уже третий год. Сначала боялся. Потом привык. А теперь... иногда думаю: а что дальше?

Я молчал.

– Ты когда-нибудь мечтал о чём-то другом? – спросил он, не поднимая глаз.

– Мечтал, – ответил я. – Но потом понял: мечты – это как старые письма. Их можно перечитывать, но они не вернут того, что было.

Лёха усмехнулся.

– Жёстко. Но, наверное, правда.

Мы продолжали работать. В тишине слышалось только шуршание щупа по земле, далёкий крик птицы, дыхание ветра.

Вдруг Лёха замер.

– Стой.

Я остановился. Он медленно наклонился, раздвинул траву. Под ней – ржавый край, очертания чего-то чужого, мёртвого.

– Есть, – прошептал он. – Лейтенант!

Лейтенант подошёл, осмотрел находку.

– Хорошо. Отходим. Гробов, сможешь?

Они отступили. Я аккуратно извлек снаряд. Плавно, точно, без суеты. Это была моя рутина.

– Страшно? – спросил Лёха, когда мы вернулись на базу.

– Нет, – соврал я. – Привычно.

Он кивнул.

– Это хуже.

В казарме я сел у окна. Дождь снова шёл – тихо, монотонно, как в тот день, когда я уезжал.

Лёха подошёл, сел рядом:

– Знаешь, тут, среди всего этого, самое страшное – не взрывы. Самое страшное – когда понимаешь, что ты уже не тот, кем был. И не знаешь, кем станешь.

Я посмотрел на него. В его глазах – та же пустота, что и у меня.

– Да, – сказал я. – Это страшно.

Мы сидели молча, слушая дождь. Где-то вдали – гул машин, голоса, жизнь. А здесь – только мы, тени прошлого и ожидание следующего дня.

Глава 4. «Линия огня»

Дождь не прекращался уже третий день. В казарме пахло сыростью, металлом и дешёвым стиральным порошком. Я сидел на койке, листал блокнот с пометками – схемы, координаты, отметки о найденных зарядах. Рядом храпел Лёха.

В голове крутились обрывки прошлого. *Катя*. Её сообщение пару лет назад всплыло в памяти, как кадр из забытого фильма:

«А можешь прислать фото или видео? Покажешь мне свою маленькую ферму.»

Я тогда ответил:

«Да, сделаю несколько снимков и пришлю тебе.»

Она обрадовалась:

«Здорово! Своё хозяйство это хорошо.»

Я обещал прислать снимки. Даже сделал несколько кадров: коза Марта с новорождёнными козлятами, куры у кормушки, поросёнок, уткнувшийся в корыто. Но потом... суета, дела, забылось...

Теперь эти фото лежали в телефоне – не отправленные и ненужные.

– Гробов, – хрипло позвал Лёха, не открывая глаз. – Ты опять не спишь?

– Не спится.

Он перевернулся, сел, потёр лицо.

– Знаешь, что самое паршивое в нашей работе? Не мины. Не грязь. А то, что мы тут как... консервированные. Время стоит.

Я промолчал. Он прав. Здесь дни сливались в один длинный серый коридор.

Утром на построении лейтенант раздал карты.

– Участок 7-Б. Вчера там пастух зацепил проволоку. Один погиб, второй в госпитале. Работаем парами: Гробов – с Новиковым, Лёха – с Петровым.

Новиков – молодой, бледный, с дрожащими руками. Я окинул его взглядом:

– Первый раз?

Он кивнул.

– Слушай меня. Шаг в шаг, не обгоняй. Если я остановился – ты остановился. Понял?

– Да...

Лейтенант продолжил:

– Ожидаемые заряды: ПОМЗ-2 (осколочная), ТМ-62 (противотанковая), возможно – самодельные. При обнаружении: не трогать, обозначить флажком, вызвать подкрепление, если понадобится. Вопросы?

Вопросов не было.

Перед выходом Лёха протянул мне флягу:

– На, возьми. Чай с мятой.

– Спасибо.

Он улыбнулся:
– Живым вернись.

Мы шли по полю, где трава была выше колена. Воздух стоял тяжёлый, будто пропитанный страхом. Я включил миноискатель, настроил чувствительность. Прибор тихо пищал – фоновые помехи.

– Держись за мной, – бросил я Новикову. – Шаг в шаг.

Первые сто метров – чисто. Потом миноискатель подал резкий сигнал. Я замер, поднял руку. Новиков остановился как вкопанный.

Присел, осмотрел землю. Под травой – ржавый корпус, проволока. *ПОМЗ-2*. Осколочная, кругового поражения. Если дёрнуть – 240 шариков разлетятся на 25 метров.

– Есть контакт, – тихо сказал я в рацию. – *ПОМЗ-2*, сектор 3.

Через пять минут подошли ребята. Один, в защитном костюме, аккуратно обезвредил заряд.

– Хорошо заметил, – кивнул он мне. – Ещё шаг – и...

Я не ответил. Это не героизм. Это моя работа.

Дальше – ещё два подозрительных участка. На одном – ложный сигнал (металлический хлам), на другом – *ТМ-62*. Противотанковая, мощная. Её не обезвреживают на месте – подрывают накладным зарядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.